

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 9 апреля 1988 г. № 43 (6455)

ЦЕНА 10 КП.

Газета Центрального Комитета КПСС

ПРЕБЫВАНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА В УЗБЕКИСТАНЕ

(текст заявления опубликован в ежедневных газетах).

М. С. Горбачев и Наджибулла обменялись мнениями по узловым моментам международной ситуации и подробно рассмотрели актуальные вопросы, непосредственно затрагивающие интересы наших стран. В ней участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел ССР Э. А. Шеварднадзе и первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Н. Нишанов.

М. С. Горбачев и Наджибулла обсудили обменялись мнениями по узловым моментам международной ситуации и подробно рассмотрели актуальные вопросы, непосредственно затрагивающие интересы наших стран.

Они отметили, что последовательно проводимая афганским руководством политика национального примирения, его конструктивная позиция в вопросах политического урегулирования — единственно правильная линия, отвечающая интересам афганского народа, всех его соседей, интересам всего международного сообщества.

Страны подтвердили верность давней традиции строить отношения между ССР и Афганистаном на принципах равенства, взаимного уважения, обходной выговоры, неизменительства во внутренних делах.

Встреча прошла в дружеской, теплой атмосфере. Было приято совместное советско-афганское заявление

(По сообщениям ТАСС).

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев во время беседы с работниками колхоза имени Карла Маркса.

Фото: спец. корр. ТАСС Ю. Лизунова, А. Чумчкова.

Уроки Нейгауз

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ДРУЗЬЯ!

КУДА ПОЙТИ ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ?

Среди его учеников были люди в разной степени одаренные, но он сумел поддержать в них талант, для возможного выразиться. И сколько наложено индивидуальностей вышло из его класса: Рихтер и Гилельс, Наседкин, Ведренко, Гутман, Могилевский, Крайнев и многие, многие другие, которые сегодня активно концертуют, представляют.

В программах фестиваля — многочисленные концерты в Зале имени Чайковского, Малом и Новом залах консерватории. Торжественное посвящение состоялось в Колонном зале Дома союзов. В концерте примет участие Светланка Рихтер, которая является председателем оргкомитета по подготовке фестиваля. Государственный оркестр ССР под управлением Евгения Светланова. Я также приму участие в этом концерте. В эти дни в консерватории пройдет конференция.

Юбилей Нейгауза отмечают и в других городах — Ташкент, Свердловске, где во время войны в эвакуации находился музыкант, на его родине в Кировограде — здесь установлена мемориальная доска, названная улица, состоялись концерты, конкурс музыкальных училищ,

экономисты — из десяти республик страны. Учтывались самые разные предложения. В виде макетов, чертежей, рисунков, описаний. Порой имеющиеся на проектах идеи, не склоняющие законами архитектурной науки, подавали весьма оригинальные идеи, хотя чаще всего в наивной форме. Самые известные проекты: «Карнавально-театральный центр», «Остров солнца», «Город мастеров» — говорят, что участники конкурса стремились удивить, очаровать идею органическим досугом.

«Город мастеров» московских архитекторов С. Аничков, В. Варганов и А. Соменков планируется на берегу озера. В

этот же день в Калининграде, обозначились современные требования к нему. Однако в его рамках разработать новую генпланскую идею невозможно. Одни из других предложений еще для конкурса. В них участвовали только архитекторы. Романтические, на первый взгляд, дилетантские предложения первого конкурса оказались жизнеспособными, они угадываются в идеях профессионалов, представивших яркие, выразительные по архитектурной пластике проекты. Самые разнообразные здания: от каменного клуба гостиной до многофункционального центра отель с изменениями конструкциями помещений.

Познакомиться с проектами трех конкурсов можно в фойе Института поощрения квалификации работников культуры [Платон Магистральская, 3/12]. Это выставка-передвижка. Через месяц она поедет в Калининград, затем в Свердловск, Тюмень, Хабаровск, Алтай-Ату, Ташкент, Тбилиси, Минск.

Н. ДАНИЛЕВИЧ.

• Карповка — театральный центр. (Авторы С. и Г. Колобыны, Томск). 1-я премия.

СОЗВЕЗДИЕ «ВЕГИ»

Репортаж из павильона «Радиоэлектроника и связь» на ВДНХ ССР

Первосная магнитола с отставающимися акустическими системами, которые позволяли улучшить стереоэффект, модель массового спроса. А вот иная модель: высокочастотная магнитофонная приставка с автоматическим обзором, воспроизведением и поиском выбранных фонограмм, повтором заданной программы. Рассчитана она на тонкого ценителя и энтузиаста музыки. Это лишь два представителя многочисленного электронного семейства марки «Вега», известной в 35 странах мира.

Так уж получилось в последние годы, что простая демонстрация достижений уже не выглядит убедительной. Залы павильона ВДНХ, отведенные для объединения «Вега», рассказывают о трудностях и барьерах (не менее в современном производстве сложной бытовой техники), которые преодолевают коллективы в поисках славных моделей.

Сама история, известная в 35 странах мира, не воспринимается как привлекательная.

— Мы собираемся воспользоваться правом установления договорных цен, чтобы добиться спонсорской реализации продукции, не создавая дефицита, — рассказывает руководитель группы «Вега» М. Некрасов. — Самые престижные изделия — дека «Вега МЛ-122стерео», магнитофон «Вега-33стерео», мини-магнитофон «Вега М-35стерео» — будут идти по более высокой цене, чем модели вчерашнего дня. В то же время станем продолжать выпуск недорогой аппаратуры, доступной семьям со скромным достатком.

А вот модель принципиально нового поколения аппараторы «Вега» — лазерно-цифровой проигрыватель «Вега ЛА-007

Появление проигрывателей, использующих оптическую излучение и цифровую форму записи сигналов на компакт-диске, приведет к радикальному улучшению качества звукоизображения.

Звучание обычной грампластинки, в 2,5 раза превышающей в диаметре цифрового компакт-диска, длится 40 минут, а на одной стороне не звучащего износа диска машины удаются более чем часовыми программами. Лазерно-цифровой конвикт бердского производства — в отличие от подобного устройства тульского производителя сконструирован на отечественной элементной базе. Первые лазерные «Веги» — проигрыватели звучащего диска — поступят в торговлю в будущем году.

...Электронная мода из Сибири все настоятельно диктует свои условия на отечественном рынке. И если ее условия конструкторский поиск, совершенство формы и звучания, то что же не примет?

Н. КИЙ.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

2 страницы

«Перестройка в партийном доме» —письма читателей в преддверии XIX Всесоюзной партконференции.

3-4 страницы

ЭКРАН

5 страницы

«Время собирания сил» — выступление драматурга А. Гельмана на открытом партийном собрании партийной организации правления Союза кинематографистов ССР.

6 страницы

Как развивается культура города Магнитогорска — тема статьи «Смена — смена».

9-10 страницы

СЦЕНА

Известный белорусский ансамбль «Сибирь» не требует особых рекомендаций. Его часто видят телевидение, на его счету несколько дисков-гигантов, выпущенных фирмой «Медиолан». Переходящий поезд на восточный небосклоне не покинул этого ансамбля благодаря высокому профессионализму, неустанности. Но какой ценой это дается?

«Сибирь» работают в первоуральской Гомельской филармонии. Не формально «принесены», как иные их со-братья, лишь числящиеся в штатном расписании, а много делали и делают для родной области, республики.

Однако положение «периферийного» края омрачает жизнь коллектива. «Остаточный» принцип материального оснащения, внимание к настущим нуждам артистов обладает в министерствах культуры, не дает возможности двигаться вперед, совершенствоваться. Обо всем этом артист Ермоленко уже писал в нашей газете 12.8.88 г.

С тех пор прошло полтора года. Что же изменилось в положении ансамбля? А ровным счетом ничего. На Министерство культуры ССР, на Министерство культуры ССР никак не отклинулись.

Сколько начальственных кабинетов общал Ермоленко, сколько писем написал! И оказалось, что «Сибирь» хоть в чем-то пошла на改善 — выдали аппаратуру Челябинского завода театрального оборудования. Но об этом предприятии «Сибирь» уже

остается только недоуметь: таким ли образом надо относиться к развитию симфонических творческих коллективов на периферии, в областных филармониях?

Т. АБАКОУМОСКАЯ, (Наш соб. корр.)

ПЕРЕСТРОЙКА В ПАРТИЙНОМ ДОМЕ

КТО В ЛИДЕРАХ?

Сложилось мнение, что практически любой кинематографист, учитель, военный может стать профессиональным идеологическим работником. Скажем, молодой геолог, средне заочник вуз, средне отработав два-три года, понял, что квартиру и должность повыше ему «сто лет не получить», и начал проявлять интерес к общественной работе. Глядишь, его приметили и начали «выдвигать». И вот он уже, допустим, инструктор горкома. Он автоматически оказывается в особом положении: он контролирует всех, его — практический никто. Ему все подчиняются, так как действует он не от своего имени, а от имени партийного органа. Попробуй поставить под сомнение любую его поступку!

Но почему такое происходит? Да потому, что рядом, в том же партийном комитете, нет компетентных специалистов по управлению человеческим обществом, нет социологов, психологов, социальных психологии...

В течение четырех лет я наблюдал, как одним своим знанием — инструктором ГК КПСС в одном из нефтяных городов Севера. Что он ежедневно делал? Звонил, вызывал деньги для оформления города наглядной агитацией, проверял чужие протоколы, писал доклады секретарям горкомов, разрабатывал шаблонные планы мероприятий. Как он сам однажды выразился, «сօ всем этим мог бы спасти любой толковый рабочий со средним образованием».

А каков уровень семинарских занятий для секретарей первичных организаций? Взрослые люди, большинство из которых имеют высшее образование, в течение шести часов объясняют, как написать выписки из протокола, как составить документ для вступления в кандидаты и т. д. И эти простейшие вещи объясняют людям, которые на производстве занимались программированием, манипулированием сложнейших комплексных систем...

В свое время из-за отсутствия специалистов по управлению социальными системами не удалось соблюсти два наилучших условия — выборность лучших лидеров и их обучение комплексу человеческих наук: философии, социологии, психологии, социальной психологии. Поэтому, что закон существующей тогда администрации системы не могли даже допустить этого. Но сегодня все это возможно! Сегодня путем подбора резерва из выдвижения кадров и их обучения комплексу человеческих наук или создания при аппаратах партийных ко-

На сцене из спектакля В. Начекоренко (Мазепа) и В. Абазовского (Эльбрус).

Фото В. Марущенко.

ПИСЬМО В РЕДАЦИЮ

В ЗАЩИТУ ХУДОЖНИКА

В общественной жизни бывают ситуации, которые требуют от людей объединения и выражения ясной позиции. Нас заставляет объединяться отношение к статье В. Славкова в журнале «Театр» [№ 2, 1988 г.]. Статья приоткрывает страницы истории Театра на Таганке, которые, несомненно, нуждаются в полном и объективном освещении. Кроме прошлого, автор рассказывает о событиях совсем недавних, о которых говорили и думали мы все. Это отъезд Ю. Любимова за границу и лишился его советского гражданства, приход в театр А. Эфроса, неожиданные и потрясающие все кончины.

В первой части статьи Славков стремится восстановить в правах творческим Ю. Любимовым — видимо, безусловно, достойное внимание. Однако другая часть статьи, посвященная А. Эфросу, наименее и поступкам которого истолкованы крайне тенденционально, вызывает решительные возражения. Роль летописца, избранный Славковым, требует предельной ответственности и объективности, особенно в тех случаях, когда речь идет о человеке, который уже не может постыдиться за себя сам. Слухи, сплетни, толкования чужих слов, прямые оговоры не придают исполнителям аргументы твердого рода всегда признавались непривлекательными.

Что касается поступков, о которых берется судить автор ст-

XIX Всесоюзная Предлагаю обсудить..

Это естественно — по мере приближения XIX Всесоюзной партийной конференции письма читателей о проблемах партийной жизни становятся острые и конструктивные. В центре читательских раздумий и забот — поиск ответов на практические вопросы перестройки в партии. Поиск идет коллегиальный, энергичный, честный.

Сегодня мы публикуют подборку писем, авторы которых по-партийному, по-хозяйски изложены, критично и основательно оглядывают и оценивают различные аспекты партийной жизни.

Ваших размышлений, предложенных в адрес XIX Всесоюзной партийной конференции о путях перестройки партийной жизни известны — актуальность глубина суждений, новый и смелый взгляд.

Отдел партийной жизни.

ЛИШЬ С ВИЗОЙ ГОРКОМА

Ежегодно в нашем городе проводятся музыкальные фестивали искусств, в которых принимают участие популярные исполнители. Но вот приобрести билеты на такие концерты непросто. Когда мы с женой захотели пойти на концерт А. Розенбаума и обратились в кассы Таджиконцерта, нам объяснили, что Таджиконцерт реализации билетов не занимается. Он передает все до единого билетов в горком партии, который распоряжается ими по районам, в райкомах партии, а те — по предприятиям и организациям.

Моя жена и я были в отпуске, и потому через связи организации приобрести билеты не могли. Но когда я сортировал, анализировал все письма? Тогда самые люди, которые выносили во многих проблемах нового микрорайона. Естественно, работники занятых служб по-своему «отсортировали» письма граждан и уже в который раз дали формальные ответы на вопросы жителей. Внешне вполне демократичная форма взаимоотношений вроде бы и сохраняла, но суть ее — старая бюрократическая начинка.

И из выборов руководителей некоторых умудряются устроить такую чехарду — игру в демократию, что и в советы трудового коллектива, и на съездах народных депутатов. Нужно разработать новые формы демократии, не позволяющие привередам устроившим администрации методы присоединяться к беспартийным последствием выразили бы свою волю. И потому нужно срочно разработать в начать внедрять комплексную программу «социологического ликбеза» всего населения страны, и партийных работников в первую очередь. Нужно разработать новые формы демократии, не позволяющие привередам устроившим администрации методы присоединяться к беспартийным, непредпринимчивым.

Считаю необходимым привести пример: ряды партии, чтобы освободить ее от людей с частностями и кривыми, устроившим администрации методы присоединяться к беспартийным, а также к авангарде социальной идеологии, не способных видеть вanguardists в своем партии в сугубо личных, корыстных целях.

П. ЗАВЬЯЛОВ.
Куйбышевская область.

ЗА ЧИСТОТУ РЯДОВ

На обсуждение делегатов XIX Всесоюзной партийной конференции хочется вместе следующее предложение.

Считаю необходимым привести пример: ряды партии, чтобы освободить ее от людей с частностями и кривыми, устроившим администрации методы присоединяться к беспартийным, а также к авангарде социальной идеологии, не способных видеть вanguardists в своем партии в сугубо личных, корыстных целях.

В. СТЕБЛОВСКИЙ.
Киев.

УКАЗ

Президиум Верховного Совета СССР

О присвоении почетного звания «Народный артист СССР» тов. Таланкину И. В.

За большие заслуги в развитии советского киноискусства присвоено почетное звание «Народный артист СССР» тов. Таланкину Ильину Васильевичу — кинорежиссеру-постановщику киностудии «Мосфильм».

Президиум Президиума Верховного Совета СССР

А. ГРОМЫКО,

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.

5 апреля 1988 г.

УКАЗ

Президиум Верховного Совета СССР

О награждении

Ленинградского государственного академического хореографического училища имени А. Я. Вагановой

орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советского хореографического искусства в связи с 25-летием со дня основания, награждение Ленинградского государственного академического хореографического училища имени А. Я. Вагановой однокомандно.

Наша болезнь и тревога связана с тем, что и сегодня, как выясняется, кандидаты могут оказаться беззащитными перед чьей-то ненавистью и киевом.

Киевские глахи глотка сегодня тают в себе ту же опасность, что и десять, тридцать, сто лет назад. Они могут прихватить высокой целью — приводы и ничего, кроме правды — и при этом отвергнуть заповеди, на которых основаны эти доказательства.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. ГРОМЫКО,

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.

7 апреля 1988 г.

Гость

шахтерского края

«Своим наравнем» под таким названием состоялись торжественные открытия композитора Алексея Мажукова в Борисоглебске. Он приехал на гастроли с солистами Ростовского хореографического училища Аллой Пугачевой, Софией Ротари, Иосифом Кобзоном, Левом Лещенко, Юрием Олешарским и Николаем Головдином.

Имя А. Мажукова не нуждается в представлении. Его песни охотно исполняют мастера советской эстрады Алла Пугачева, София Ротари, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Юрий Саргсян и Московской консерватории А. Мажуковыми.

Ставка А. Мажукова наработала не только достойнейшее имя Анатолия Васильевича Эфроса — она оскорбила естественное чувство справедливости, необходимое для нормальной жизни. Доброе имя Эфроса охраняется его собственным искусством, уже вошедшем в историю культуры; нравственные нормы устоя общества — дело усилий каждого из нас.

В. ТОВСТОНОГОВ, д. ЖУРАВЛЕВ, А. АНИКИТ, М. ТУМАНИШВИЛИ, О. ЕФРЕМОВ, Т. АБУЛАДЗЕ, С. СИРСИКИ, А. ЕРЕМИЧ, А. ГЕРМАН, З. НЕКРОШЮС.

В. ДУБОВИК.
Ворошиловград

по старым шаблонам

Мне думается, необходимо более совершенное идеологическое обеспечение перестройки. С чем приходится сталкиваться сегодня? Например, у нас в городе в течение недели в филармонии выступали два лектора с лекциями о перестройке. После выступления того и другого осталось одинаковое ощущение неудовлетворенности. Почем?

Во-первых, настораживает непрерывный тон ускоренно «перестроящегося» доктора, прочь забывшего, что он вещал людям четыре года назад. Кроме того, в аудитории с высоким гуманным образованием и чистым умом нестремлены малоизвестные штампы типа «черные негативы».

В. ПОЛЬЩИКОВ.

Лята.

Б. ПОЛЬЩИКОВ.

ЭКРАН

Для чего человеку путь? Если вся почта влечется весть редиски, лучше соловьи не пойти.

Джон Стейнбек.

Отшумела дискуссия, вызванная статьей «Заметки ретрограда». Критик В. Кичин заявил ей перепалку. Что ж, может быть. До серьезного теоретического спора, цель которого, по Платону, — добить истину, мы еще не досели. Но разговор и на таком уровне полезен. В нем приняли участие читатели газеты — им небезразлично, что станет с кино и каковы прогнозы на завтра. Появились две три серьезные публикации, пользы которых очевидны. Значит, вопрос возник не на пустом месте.

К ТОМУ ЖЕ статья, все положения которой правильны, не может вызвать ни дискуссии, ни просто перепалки. Если же она подорвала шум и споры, то уж одно это говорит о том, что многие ее положения неверны.

С этим необходимо согласиться. Так что прошедшая дискуссия (и все-таки будем называть ее дискуссией) не прошла даром для возмущителя спокойствия. В известном смысле и уже не тот, что был вчера. Ничего противостоящего в этом нет. «Всякий должен менять убеждения, стремясь к лучшим». Возможно, ссылка на такой авторитет, как Лев Толстой, приведет меня с читательницей Чывчиловой из Якутии, которая присыпала в редакцию такое письмо: «И, пожалуйста, не мирайте своих взгядов, когда это воронье начнет шипануть вас!»

О том, что автору «Заметок» придется после статьи тут, догадались многие читатели. «Вот уж попадет режиссеру Говорухину от любителей национальной!» (А. Коновалов, Симферополь). Прислали письмо композитор Никита Богословский, с которым я прежде не был знаком. Советовал держаться, потому что «гогонь откроют из всех орудий». Впрочем, принять огонь на себя и были готовы. Для этого статья и писалась. Приближалась «Одесская альтернатива», в ее рамках должен был состояться большой разговор о кинематографе. Хотелось, чтобы он прошел остро, при полном вовлечении самых видных киноделов. В конечном итоге так оно и случилось.

Теперь о самой дискуссии. Попробуем выделить зерна истины, отделив их от плевел. Для начала — слово деталиям.

Он досталось автору статьи за непочтительное отношение к фильму Александра Сокурова «Скорбное бессчувствие»!

«Допущенная ошибочка в названии критикующего фильма как нельзя лучше объясняет, почему вы ничего не поняли. Фильм обличает человеческое качество, которое у вас, судя по статье, в изобилии. Бессчувствие! А там наша профессия называется кинорежиссерами, то факт может вызвать только присорбное сочувствие» (Ю. Шипшик, Дзержинск).

«Вы ратуете за развлекательное, приключенческое, детективное кино... Пусть и оно существует, дает доход и вал государству! Только не называйте его высоким словом — искусство! А себя — художником! Художественное кино, вероятно, нужны и детективные сюжеты, но пусть они будут уровня «Преступления и наказания». И не ниже! А что ниже — это уже «Место встречи изменить нельзя» (Ю. Шипшик, Кировск Ворошиловградской области).

Что тут можно сказать? Единственно, в чем не ошибся автор, — это когда сказал в своей статье, что «заполеты» такого рода кино чрезвычайно агрессивны. Впрочем, агрессивны обе стороны. Та сторона, что подвергнала автора «Заметкам», тоже не болтло задумываясь о способах выражения возмущения. Достаточно сказать, что письмо, которое я процитирую, адресовано директору «Ленфильма», то есть подписавшие его как бы требуют администрации мер по отношению к режиссеру не понравившегося им фильма.

«В мае этого года смотрели фильм в Панагии. Собралась интеллигентная публика, если это понтересует создателей... Довольно долго все недоумевали. Патологический канюк Шоу, гнусные мизансцены, зануды. Ушли все. До конца не досидел никто. Сыпал бы режиссер, что говорили в его адрес» (Семьи Грековы, Ленинград).

Приложу этот пример вовсе не для того, чтобы зарыться поддерхой многочисленной части зрителей. В данном случае меня больше интересуют мнения, противоположные моим. Но стоит напомнить еще раз работников промката, что их политика должна быть гибкой, такие фильмы надо показывать выборочно — определенной, подогодленной аудитории. Об этом много говорится в последнее время. Пишут об этом и критики.

«Предлагают демонстрировать такие фильмы в специальных залах (на периферии — на специальных сеансах) по повышенной цене за билеты. И ни одного своего зрителя они не потеряют» (С. Изарова, Киев).

НЕДАВНО с группой наших кинематографистов мы были в Индии, открывали там фестиваль советских фильмов. В каждом маленьком индийском городе фестиваль начинался с показа фильма «Покаяния». Больно было смотреть, как шедевр советского кино сорвал по двадцать — тридцать человек в зале. По-моему, такой неосторожный выбор фильма, открывавшего фестиваль, есть в некотором роде дисциплинарный и советского кинематографа, и картины Абуладзе. Пишут эти строки остроожно — боюсь, что из склонности моя оппонентов и передергивания меня из страстного почитателя творчества Абуладзе превратят в его непримиримого.

Но тем не менее сказать надо. Что ни говори, а фильмы Абуладзе требуют не только подготовленной аудитории, но и достаточного знания этой аудитории историй Советского государства. Неужели в многообразии советского кинематографа не нашлось фильма, который привлек бы по душе широкому индийскому зрителю? Открывать фестиваль можно было другим фильмом, пусть не шедевром, но способным собрать аудиторию.

Но вернемся к фильму Сокурова. Приношу резюме изложения за тот неуважительный, на мой взгляд, было высказано суждение о его фильме. Раздражение, вызванное заумной речью, я перенес на сам фильм — это, конечно, недопустимо.

Почитатели Александра Сокурова заодно обвиняли автора «Заметок» в непонимании целей и задач, в неприятии всего экспериментального кинематографа. Мол, ему не по плечу творчество Иоселiani, Тарковского, Германа, Киры Муратовой. Могу лишь ответить цитатой на собственные рассуждения по этому поводу:

«Без таких фильмов (речь идет об элитарном кино) искусство кинематографа остановится на месте, они нужны, как раздевчики в армии, как конструкторские бюро на заводе» («Серые начинают и выигрывают», «СК», 25.Х.86).

Таково мое истинное отношение к этому кинематографу. И будет об этом!

Впрочем, нет. Давайте в качестве точки в этом споре приведем еще две короткие цитаты из писем читателей:

«Искусство для немногих» должно существовать как наследие на прибыльное искусство — так же, как существует, не принося в данный момент доходов, фундаментальная наука» (А. Сирота, Москва).

«Нельзя делить фильмы на прибыльные и убыточные. Это убыточный критерий» (Ю. Шуклов, Киев).

Таким образом читатели легко и, надо признаться, не без изящества опровергли наивные рассуждения автора по поводу экономики кинематографа. Внимательный читатель этого обзора, наверное, заметил, что я цитирую в основном письма своих противников. Во-первых, чтобы извлечь истину в споре, нужно внимательно выслушать суждения противной стороны. А во-вторых, там, где я уверяю в своей правоте, мне не нужна поддержка миллиардов. Я уж и так совершил дипломатическую ошибку, употребив пару раз в своей статье слова «народ», что дало возможность А. Плахову совершенно справедливо заметить, что у нас многие научились говорить «от имени и по поручению». Верно, что тут скажешь?

Но одно дело — народ, а другое — человек

Между тем в «Заметках» ничего скончего с такой мыслью нет. Автор просит только «простить зрителю его маленькие слабости», когда он «после тяжелого рабочего дня, после беготни по пустым магазинам, после жизненных неурядиц хочет чуть-чуть отдохнуть, развлечься, попремянить и т. д. Как видите, по смыслу эти две мысли совершенно не сходятся. Одно дело — программа кинематографа для народа, и совершенно другое — просьба простить зрителю его маленькие слабости. Строить программу на слабостях никто не решится!»

Речь идет о вульгарном передергивании. На нем, на передергивании, держится вся аргументация статьи В. Ревича. Уберите его — и вовсе нечеловеческое здание рассыплется.

Слову, вырывенному из контекста, можно придать какой угодно смысл, даже противоположный. Но это прием недоволеный. И вообще, какой смысл заниматься передергиванием, когда статья «Заметки ретрограда» настолько уязвима, что ее автор сам готов опровергнуть некоторые свои положения. Пользуясь боксерской терминологией, он подставляется под удар, чтобы противник раскрылся, показал лицо.

Лицо нашей критики — определенно ее чисты, конечно, — не перестает удивлять. Ни аргумент Ревича высокоснимом из пальца, строится доказательная мощь и двух других статьи — А. Плахова и Ю. Снопа, — полемизирующих с «Заметками ретрограда». Грубо говоря, суть спора в их интерпретации выглядит так: автор «Заметок» — за пустое и развлекательное кино, а мы — за кино серьезное, глупое.

Станислав ГОВОРУХИН

ПЕРЕПАЛКА?

из народа. Разрешите процитировать письмо одного простого и, судя по всему, хорошего человека, киномеханика клуба:

«Я устала краснеть и оправдываться перед теми, кто не понимает. Фильмы обличают человеческое качество, которое у вас, судя по статье, в изобилии. Бессчувствие! А там наша профессия называется кинорежиссерами, то факт может вызвать только присорбное сочувствие» (Ю. Шипшик, Дзержинск).

«Вы ратуете за развлекательное, приключенческое, детективное кино... Пусть и оно существует, дает доход и вал государству! Только не называйте его высоким словом — искусство! А себя — художником! Художественное кино, вероятно, нужны и детективные сюжеты, но пусть они будут уровня «Преступления и наказания». И не ниже! А что ниже — это уже «Место встречи изменить нельзя» (Ю. Шипшик, Кировск Ворошиловградской области).

Что тут можно сказать? Единственно, в чем не ошибся автор, — это когда сказал в своей статье, что «заполеты» такого рода кино чрезвычайно агрессивны. Впрочем, агрессивны обе стороны.

Та сторона, что подвергла автора «Заметкам», тоже не болтло задумываясь о способах выражения возмущения. Достаточно сказать, что письмо, которое я процитирую, адресовано директору «Ленфильма», то есть подписавшие его как бы требуют администрации мер по отношению к режиссеру не понравившегося им фильма.

«В мае этого года смотрели фильм в Панагии. Собралась интеллигентная публика, если это понтересует создателей... Довольно долго все недоумевали. Патологический канюк Шоу, гнусные мизансцены, зануды. Ушли все. До конца не досидел никто. Сыпал бы режиссер, что говорили в его адрес» (Семьи Грековы, Ленинград).

Приложу этот пример вовсе не для того, чтобы зарыться поддерхой многочисленной части зрителей. В данном случае меня больше интересуют мнения, противоположные моим. Но стоит напомнить еще раз работников промката, что их политика должна быть гибкой, такие фильмы надо показывать выборочно — определенной, подогодленной аудитории. Об этом много говорится в последнее время. Пишут об этом и критики.

«Предлагают демонстрировать такие фильмы в специальных залах (на периферии — на специальных сеансах) по повышенной цене за билеты. И ни одного своего зрителя они не потеряют» (С. Изарова, Киев).

НЕДАВНО с группой наших кинематографистов мы были в Индии, открывали там фестиваль советских фильмов. В каждом маленьком индийском городе фестиваль начинался с показа фильма «Покаяния». Больно было смотреть, как шедевр советского кино сорвал по двадцать — тридцать человек в зале. По-моему, такой неосторожный выбор фильма, открывавшего фестиваль, есть в некотором роде дисциплинарный и советского кинематографа, и картины Абуладзе. Пишут эти строки остроожно — боюсь, что из склонности моя оппонентов и передергивания меня из страстного почитателя творчества Абуладзе превратят в его непримиримого.

Но тем не менее сказать надо. Что ни говори, а фильмы Абуладзе требуют не только подготовленной аудитории, но и достаточного знания этой аудитории историй Советского государства. Неужели в многообразии советского кинематографа не нашлось фильма, который привлек бы по душе широкому индийскому зрителю? Открывать фестиваль можно было другим фильмом, пусть не шедевром, но способным собрать аудиторию.

Но вернемся к фильму Сокурова. Приношу резюме изложения за тот неуважительный, на мой взгляд, было высказано суждение о его фильме. Раздражение, вызванное заумной речью, я перенес на сам фильм — это, конечно, недопустимо.

Почитатели Александра Сокурова заодно обвиняли автора «Заметок» в непонимании целей и задач, в неприятии всего экспериментального кинематографа. Мол, ему не по плечу творчество Иоселiani, Тарковского, Германа, Киры Муратовой. Могу лишь ответить цитатой на собственные рассуждения по этому поводу:

«Без таких фильмов (речь идет об элитарном кино) искусство кинематографа остановится на месте, они нужны, как раздевчики в армии, как конструкторские бюро на заводе» («Серые начинают и выигрывают», «СК», 25.Х.86).

Таково мое истинное отношение к этому кинематографу. И будет об этом!

Впрочем, нет. Давайте в качестве точки в этом споре приведем еще две короткие цитаты из писем читателей:

«Искусство для немногих» должно существовать как наследие на прибыльное искусство — так же, как существует, не принося в данный момент доходов, фундаментальная наука» (А. Сирота, Москва).

«Нельзя делить фильмы на прибыльные и убыточные. Это убыточный критерий» (Ю. Шуклов, Киев).

Между тем в «Заметках» ничего скончего с такой мыслью нет. Автор просит только «простить зрителю его маленькие слабости», когда он «после тяжелого рабочего дня, после беготни по пустым магазинам, после жизненных неурядиц хочет чуть-чуть отдохнуть, развлечься, попремянить и т. д. Как видите, по смыслу эти две мысли совершенно не сходятся. Одно дело — программа кинематографа для народа, и совершенно другое — просьба простить зрителю его маленькие слабости. Строить программу на слабостях никто не решится!»

Речь идет о вульгарном передергивании. На нем, на передергивании, держится вся аргументация статьи В. Ревича. Уберите его — и вовсе нечеловеческое здание рассыплется.

Слову, вырывенному из контекста, можно придать какой угодно смысл, даже противоположный. Но это прием недоволеный. И вообще, какой смысл заниматься передергиванием, когда статья «Заметки ретрограда» настолько уязвима, что ее автор сам готов опровергнуть некоторые свои положения. Пользуясь боксерской терминологией, он подставляется под удар, чтобы противник раскрылся, показал лицо.

Лицо нашей критики — определенно ее чисты, конечно, — не перестает удивлять. Ни аргумент Ревича высокоснимом из пальца, строится доказательная мощь и двух других статьи — А. Плахова и Ю. Снопа, — полемизирующих с «Заметками ретрограда». Грубо говоря, суть спора в их интерпретации выглядит так: автор «Заметок» — за пустое и развлекательное кино, а мы — за кино серьезное, глупое.

Станислав ГОВОРУХИН

Мужчины, ручавшись, не страшно» (В. Бариновская, «Вечерняя Одесса», 1 октября 1987 г.).

Обвинение серьезное. Дело в том, что «Лесли негритят» не детектив даже в триллер. Фильм, в котором особо акцентируется на гнете опасности. Нестрашный триллер — это все равно что нескемская комедия. Или мелодрама. Возможно, некий моралист задался вопросом: «А на кой он вообще, эти страсти? Хорошо ли это — пугать советского человека? Чем он налегает?»

Это правильно. Как пошутил исполнитель одной из ролей Анатолий Ромашкин, «мы и раньше сняли фильмы ужасов, но все больше из производственной и колхозной жизни».

И все-таки человеку порой не хватает острых ощущений. Вероятно, это атавизм. Пешерой нашего предка сразу же нападают смертельные опасности. В нашей размноженной городской жизни остро защищают от опасностей спа. Разве что мрачная очередь на входе в спа.

И потом — говорим же мы о терапии синхронии. Бывают очищающие слезы. Волны возможно, что и витиеваты страха организму.

Ведущий мэтровый киновестиваль «Кинофестиваль Юрия Гейко» сообщил нам: «Как информируют журналисты, были случаи жестоких истерики во время просмотров. Фильм очень страшный».

Да. Были. Были и глубокие обмороки. И в каждом городе «скорую помощь» подавали в подъезды кинотеатров. Во всяком случае, кино-проект нашел нужным предупредить: «Кинематограф — это не атмосфера страха и боли».

ПЕРЕДО мной как докладчиком никто неставил никаких задач, поэтому я сам перед собой поставил задачу: сделать сообщение личного характера, поделиться собственными соображениями и тревогами в свете предстоящей XIX Всесоюзной партконференции.

С момента начала перестройки прошло три года. Каков главный положительный итог? По-моему, он в том, что, несмотря на то, что прошло три года, перестройка продолжается. Каков главный отрицательный итог? По-моему, он в том, что, несмотря на то, что прошло три года, перестройка не стала пока необратимой.

По обстоятельству, что еще не создано достаточных демократических структур, которые бы сделали демократический образ жизни надежным, самовпроизводящимся, для всех, кто связывает с перестройкой судьбу нашего будущего, является огромным бесконтактным, огромной тревогой, не отпускающими нас ни на день, ни на час. Это, по-моему, будет главный вопрос XIX партконференции — выработать и принять решения, осуществление которых гарантирует полную необратимость демократического процесса в обществе.

По моему ощущению, сейчас, в ходе подготовки к конференции, обостряются все формы борьбы за революционный характер перестройки и против него. Не исключено, что эта борьба даст себя знать в работе самой конференции.

Открытые и закулисные противники перестройки все яснее отдают себе отчет, что идеи перестройки с каждым днем завоевывают все большую середину, все больше ума. Они понимают, что отрезок времени, в течение которого перестройку можно было бы пресечь или хотя бы ощутимо сбить с решительного революционного пути, невелик. Ощущающие это дефицит отпущеного времени, они ощущаются. Они понимают, что надо спешить, пока еще действуют те механизмы принятия решений, с помощью которых можно в обход общественного мнения нанести перестройке удар. Эти механизмы во многих случаях находятся в их руках. Я допускаю, что подготовка к партконференции или даже сама партконференция могут оказаться тем плацдармом, на котором они попробуют дать перестройке решительный бой.

Возможно, мой опасения преувеличены, даже то, чтобы было так, но речь идет о таких серьезных вещах, речь идет о таких возможных трагических последствиях, что я считаю себя вправе не стесняться в выражении своих опасений.

В этом смысле я считаю не случайной публикацию в «Советской России» статьи Нины Андреевой, выразившей некоторые программные установки консервативных сил партии. Главный пафос этой статьи — поставить под сомнение правомерность нравственного критерия в оценке прошлого и настоящего советского общества. В качестве марксистской идеи она проповедует несомненность политики и морали, противопоставляя классовый и этический подходы. Говоря о ленинградском фильме, посвященном Кирину, она возмущена дикторским текстом, напоминающим зрителям о репрессиях тридцатых годов, и в то время как на экране изображен карты энтузиазма тех лет, — она видит в этом насилие над правдой. Она вообще возмущена тем, что о трудах энтузиазма того времени говорят и пишут сегодня очень мало, а все о трагедиях и трагедиях. Ей как в голову не приходит, что по законам нормальной человеческой отзывчивости людей часто требуют судьбы тех, кто безвинно и безвременно погиб в сталинских лагерях, чем судьбы тех, кто безусловно заслужил уважения за проявленный трудовой герой. Но тем не менее нормально жила, работала и еще живет или умер своей смертью. Во все времена трагедии находили в сердцах людей больший отлив, чем нормальное течение жизни, тем более когда речь идет о трагедии такого масштаба, как сталинизма. Нина Андреева и в отношении самого Сталина требует некоего государственно-исторического единичного критерия, а не нравственного. Она считает, что мы просто не доросли до того, чтобы определить место Сталина в истории — дескать, больше видится на расстоянии.

Вообще в сиюминутных творческих фигурах Сталина допускается некая игривость. Сергей Михалков в интервью «Огонек» говорит, что да, конечно, с одной стороны, Сталин падал, но с другой стороны, у него только подумай, он не позволил себе без разрешения автора в тексте Гимна СССР снять запятую, разыгрывая автора на фронте для исполнения подозрения — видите, моя какая-то удача пропорочечка, неоднозначная личность. А еще кто-то написал, что да, Сталин был падач, но

Выступления на открытом партийном собрании партийных организаций управления Союза кинематографистов СССР 23 марта 1988 года.

Александр Гельман

БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ, БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА

ВРЕМЯ СОБИРАНИЯ СИЛ

зато аксет, ему ничего-ничего не надо было, он был гол, как сокол. Прямо второй Махатма Ганди.

Да. Сталин был равнодушен к вещам и деньгам, ему другое доставляло удовольствие — он любил наслаждаться полнотой власти над людьми, над целыми народами, и ук в этом отношении он аксетом не был, наслаждался сверх всякой меры...

Кому на руку позиция Андреевой? Народу? Партии? Да ли в коем случае. Эта позиция вольно или невольно обостряет кровные интересы бюрократии, в том числе партийной бюрократии. Это им выгодно разъять политику и нравственность, им это надо, чтобы избежать осуждения за старые грехи, чтобы ничего не мешало совершать новые...

Наиболее умные, дальновидные противники перестройки применяют другую стратегию — стремятся подменить демократизацию либерализацией. В чем разница? Демократизация предусматривает перераспределение власти, права, свобод, создание ряда независимых структур управления и информации. А либерализация — это сохранение всех основ администрации системы, но в смягченном варианте. Либерализация — это подразумевает куплю-продажу конференции, чтобы коммунисты, все общество ощущали атмосферу, чтобы люди могли не формально, а действительно отказаться от происходящего на конференции уже по ходу ее работы. Чтобы существовала между партией и конференцией живая, что называется, ежечасная обратная связь.

Второе. Было бы желательно, чтобы XIX партконференция проводилась открыто, с публичными без купюры выступлениями делегатов, с передачами по телевидению значительных эпизодов работы конференции, чтобы коммунисты, все общество ощущали атмосферу, чтобы люди могли не формально, а действительно отказаться от происходящего на конференции уже по ходу ее работы. Чтобы существовала между партией и конференцией живая, что называется, ежечасная обратная связь.

Третье. Мы присоединяемся к тем коммунистам, которые предлагают, чтобы длительность непрерывной работы на выборных постах была ограничена восьмью — десятью годами.

Четвертое. Существует настоятельная необходимость, чтобы деятельность партийных руководителей любого ранга, в том числе секретаря ЦК, заведующих отделами ЦК, была постоянно обозрима, чтобы люди знали, кто есть кто, более подробно, по существу зналиличные качества. Имея представление о каких-то оттенках мировоззрения, особенностях характера, особенностях занимаемой позиции по тем или иным вопросам, стиля работы, стиля общения, культурного кругозора. Нельзя больше допускать, как это не раз было в прошлом, чтобы на недостатках, ошибках того или иного деятеля партии общество и сама партия узнавали идруг. Хватит уже этих информационных школок, ударов по головам, когда сначала долгое время человек считается хорошим, хорошим, хорошим, а потом — бац! — оказывается, он авантюрист, экстремист или выступает за «гласность без берегов». Это мне один мой читатель в письме написал, что, мол, подождите, «запишите Горбачева еще скринуть за гласность без берегов». Выдите, уже и формулировка припасена. Уверен, что принятие решения о доступности для наблюдения деятельности руководителей встретит одобрение и у самих руководителей, и у коммунистов. Нельзя, чтобы судьбы людей решались негласно и внезапно. Кто знает, может быть, и Сталин, работая он в условиях гласности, нашел бы в себе силы сдерживать свои дурные наклонности и остался бы в историю нашей партии не падачом, а вполне уважаемым деятелем.

Нуждается в дополнительном, углубленном обсуждении на конференции вопрос о гласности, о большей самостоятельности и независимости средств информации. С этим связана активизация идеологического обеспечения демократических преобразований. Нужен ликвидации перспективы, когда демократия может быть, но тем не менее не включена в государственную политику. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости человеческой. Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана вынуждена на какое-то время проявить не свойственную ей твердость, даже жесткость. Но даже в этом случае не выше разума, ничего нет в жизни людей выше разума, потому что сама демократия — дата разума, дата мудрости

Штрихи к портрету народного артиста СССР

Олега Табакова с тремя монологами
артиста, интермедиями, одной
массовой сценой, прологом и эпилогом

Пролог

Время действия — несколько лет назад. Кабинет Знаменитого Лица. Столик с пустыми телефонными аппаратами. Знаменитое Лицо с достопримечательностью подписывает бумаги. Робко похищая бумаги, входит некомодный секретарша.

Секретарша Ты Табаков звони... Соединяй! Ты Табаков звони... Олег Табаков?

Секретарша Погодите, погодите... Артист... В кино играет «Горы горы, моя земля», «Молодые люди», «Москва слезам не верит».

Знаменитое Лицо. А-а... Как же... Знаю. Что жечет?

Секретарша. Погодите. Знаменитое Лицо (зевает) паузу. Ну-у... Слышало... Да... Нет! Это вопрос о Министерстве культуры. Мы театры не откладываем... Да... Нет! Обращаются в Москсовет. Как же я буду звонить и просить их? Этим занимаются финансовый отдел... Простите, я забыла... Ты помни меня правильно, это все не я сам... Понял? Ну, да-да! (Зевает) вымышили секретаршу. Входит секретарша. Будет звонить... Табаков (с усмешкой). Игорь Шеленберг играл. Так вот, отправляется и замечательно.

На факультете журналистики МГУ идет за-латка.

Буднично-восторженный студент в очках (якобы будущий критик). У нас было задание написать об Олеге Табакове, который был у нас на учебной пресс-конференции. Вот мой текст. Олег Павлович Табаков не из самых скромных людей. Слава и похвалистка, в такие времена аудитории доставляют ему радость. Он носит маску, иногда потоще, иногда потонше, не забывая часто ее менять. За несколько часов нашего знакомства он изобразил множество сценок, говоря голосом действа разных персонажей. Чувствовать себя в хорошей форме, ежеминутно придумывать заготовки и пробовать их на языке — для него наслаждение. Первым словам Табакова: «Я человек легкомысленный и буду отвечать на ваши вопросы «легкомысленно» — верить не стоит. При всем стремлении быть комичным у него цепкие и сердечные глаза трагика. Что бы он ни делал, эти глаза внимательно наблюдают за вами, и, по-видимому, небезрезультатно. Табаков предупреждает вопросы. Ход беседы иссяк для него заранее.

В нем есть что-то мало раскованное. Он вхож в любую компанию и в каждой будет, как рыбь в воде. Я однажды представлял Табакова и в пиджаке Москвой-Понтии, и во фраке с белым цветком в петлице. Но над всей способностью красниться и перевоплощаться — глубокая интеллигентность. Как режиссер и педагог старается разбудить, воспитать эти качества в окружающих. Когда-то давно, привлекая в студию девочек и мальчиков возраста еще не актёрского, то слегка юношеского, он сказал: «И хочу видеть их интеллигентными. А только потом профессиями, актерами, режиссерами, гениями». Ничем иным, помалу, не объяснишь, а для особенно рьяных почитателей Табакова не опровергнуть его желание содроготься, отдаваясь на второй план кино, театр, режиссуру, на театре «двадцатипятых», в котором молодые играют для молодых. Есть ли будущее за таким театром? Сомневайся, чтобы Олег Павлович знал твердый ответ. Незнавший влюблена для него в смысле прикладном (множество мелочей и дурацких бюрократических неурядиц уничтожены), не размышлять о сохранении имен в грядущих веках — это не для него.

Судьба Табакова — валимываться стены. Он в узких рамках работать не может и не хочет. Ему нужны простор и постоянное движение: вбок, вперед, в сторону, лишь бы не назад. В таком случае он своего добьется. И это все называют блестящими.

Когда-то один русский мальчик Олег Табаков? Это же, конечно, придумал Юрий Гольдман!

Да, теперь я понимаю многое... Наверное, понимаю. В партию вступила в 1964 году. Любовь к Родине — высокое чувство. Но есть не менее высокое чувство — любовь к истине. Там уж на этой земле повелось. Начинала с Радищева, Чадаева, Герцена.

Русский интеллигент — это человек, спасенный болеть душой за судьбы других людей. Это, если угодно, персонажи Гоголя для каждого, кто готов себя судить по высшему суду — суду собственной совести.

Есть хорошее высказывание: «Относитесь к поступкам других так, будто вам осталось жить один день. Самки поступайте так, как будто вам жить еще век». Вот бы это сделать правило... Правилом для всех! Без исключения!

Театр-студия под руководством Олега Табакова на улице Чаплыгина, дом 1. Попутная сцена. Маленький зал для освещения.

Первый студент. А успеем подготовиться?

Второй студент. Успеть то успеем... Он предупредил, что сегодня задержится. Ему, оказывается, в министерстве вручает диплом профессора.

Первый студент. Хорошо быть Табаковым!..

Второй студент. Слышал, он дочери своей выговор обмыл и лишил ее премии. Все думают: хорошо иметь такого отца. А и ей сочтут. Она не сама по себе — за нее всегда кто-то работает у нас в театре.

Первый студент. Представляешь, будет у нас свой настоящий театр. С первого этажа высыпят мыльцы: Зал расширят. В одном прекрасном дне кто-нибудь из кинорежиссеров нас заметит и пригласит сниматься в кино. Мастер опустит. Он сам начал сниматься раньше, чем работать в театре. Я недавно смотрел его первый фильм «Саша вступает в жизнь». Думал, чепуха, а оказалось — интересно. Он там моложе, чем мы с тобой сегодня. И главное — какая роль!..

Второй студент. Слушай, как мне быть? Я ему должен двадцать... Придет — неудобно будет. Может, ты скажешь, что я заболел или встретился родственниками, а?

Первый студент. Хм... Заболел... Тогда я умер. Я должен лопаст! Где достать денег?

Энергично входит Олег Табаков. Видят раскрытое лицо студента.

Табаков. Та-ак... Слышал, что вас спать за академическую неуплываемость стипендиант лишили. Это, братцы, негоже, негоже... Мы же договорились: актер должен быть членом интеллигентным, воспитанным и, подчеркну, образованным. Иметь тяжкую по литературе, не говоря уже о «хвостах» по другим предметам, право, стыдно. (Достает бумаги.) Все понимаю, думаю, по двадцати пяти рублей вам до стипендии хватит. А теперь идите, готовьте сцену для репетиции. Идите.

МОНОЛОГ ВТОРОЙ

О театре

Я мечтаю, чтобы настало время, когда культура будет руководить людьми уровня Анатолия Васильевича Луначарского. Театром должны заниматься компетентные люди. Мы можем по-разному оценивать деятельность Е. А. Фурцева, но к концу дней своих она была человеком, влюбленным в искусство. Понимала и любила театр.

Мы довели театр, говорю об этом со всей откровенностью и полной ответственностью за слова, «до руки!» Довели лживыми письмами, спектаклями-подделками, конъюнктурными произведениями. Пора сказать: «Не могу больше! Не могу! Стыдно!!!» Должен быть гнев, обращенный внутрь. Говорят: закрывают плохие театры. Не закрывают надо театры, а делать их хорошими. Тогда и люди в них пойдут. Если мы закроем 150 смертных театров, разве в оставшихся начнут играть лучше? Нет. Как плохо играли, так и будут продолжать. Мало того — нужно открывать новые театры.

Нам в Москве, легче. А каково в провинции? Недавно на секретаря Союза театральных деятелей РСФСР рассматривали вопросы о брянском и ивановском театрах. Это же страшно. В Брянске дирекция «задушила» шестерых главных режиссеров. В Иванове построили театр на 1.700 мест. В одном помещении — театр музыкальной комедии, театр драмы, театр кукол...

Драматическому театру достался зал, предназначенный для филармонии, кулис нет, колоннники отсутствуют — как играть, как ремонтировать?

Театр в большой степени, нежели живопись, литература, музыка, зависит от конкретной сегодняшней ситуации. Нет, не эра Ленина, отдала церковь от государства, предлагал некоторые функции церкви передавать тे-

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

атру. Театр — это организм, который должен регулярно рождать, а когда роды прекращаются — нет спектаклей, — все в театре атрофируется.

Как возник «Современник»? Это были наезды 1956 года... Мы были побуждены Олегом Ефремовым и установкой нашей студии говорить о происходящем правду. В литературе вместе с нами начинали жизнь Белла Ахматуллина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Юрий Казаков, Роберт Рождественский. В кинематографе Александр Алоев и Владимир Наумов, Георгий Данелия, Отар Иоселiani, Марлен Хуциев, ставшая только сегодня знаменитой Нина Муратова. «Современник» родился вслед за решениями ХХ съезда партии. Мы знали, как нам тогда казалось, чего мы хотели.

Мы знаем, чего мы хотим добиться: изменения отношения к театру. Даже в Москве положение, на мой взгляд, нищенское. В 1931 году сколько было театров? Шестьдесят пять. А в 1920-м? Сто восемнадцати! А сегодня? Сорок театров! Это при демонстрации миллиона интеллигентов и двух миллионах приезжих...

До недавнего времени считалось: столице одна главный режиссер со скрипкой в руках — Яшин. Но и он перевалил этот рубеж.

Театр не поспевает за временем. А ведь театр — общественный институт. Сегодня живется трудно всем. Пожалуй, труднее всего, это мое личное мнение, пристанище моей юности — «Современнику». Да-да, театр, повторюсь, — общественный институт, «кафедра, с которой...». Но актер — об этом нельзя забывать — не лектор.

Думай иначе, давно бы плынул на все и занялся другим делом. И легче жилось бы. И уважали больше. Но театр бросить не могут. Я, как жук, привязанный и сличной коробке, иду к студентам, иду в свой театр, иду в МХАТ, и на Чаплыгина, иду, как на сладкую катушку.

Я не желаю участвовать во лжи. Был момент, когда я сказал себе — красиво жить не запретишь, но и по совести тоже жить не запретишь. Как я к этому пришел? У каждого человека в жизни наступает момент, когда идет переоценка ценностей. Мне не исполнилось еще и тридцати, когда я попал в инфаркт в больницу. Определили палату на двоих. Лежим, болеем, лечимся. И мой сосед умирает. На его место привезли другого. Каждый день приходила к нему жена и плачала. Плакала в понедельник, вторник, среду. А в пятницу он умер. Сорок дней я лежал на спине в палате один и смотрел в потолок. Выжить или нет? Я представил себя на месте тех, кто был рядом со мной в палате. Вышел из больницы и понял: я изменился. Я вынужден был делать выбор: я решил ради себя, как жить дальше. И решил ради денег больше не работать. Все! Только тогда, в больнице, я понял всю глубину слов Льва Толстого: «Назначение искусства — помогать людям любить жизнь». Большого чуда, чем наша с вами жизнь, не будет.

Трудно ли было лицо мне? Еще как. Мечтал открыть театр со студентами при «Современнике» — категорический отказ.

Пошел в Центральный театр Советской Армии — сплошной отказ. Думал открыть в Подольске — благо от Москвы близко — и там первоклассный киноряд. Поехал в Брянск, от Москвы подальше, дай, думаю, там попробую. То, что я видел, привело в ужас. Друзья мне тогда говорили: «Ой, Олег, ты увлекающийся человек. Сейчас этого хочешь, потом захочешь другого». Ну что тебе еще надо? У тебя же все есть! Тогда я, пожалуй, единственный раз пожалел, что в свое время добровольно ушел с поста директора «Современника». Останься директором в «Современнике» — студию бы открыли,

и в палате один и смотрел для себя.

Я начинал учить ребят, рассказывая играть вместе с ними, готовясь к ним. Моя ученица — это вороги народные: я не только ей, но и всему народу.

Сегодня у нас большие перемены, одним словом, перestroйка. А я больше на экономику нацелился. Да, есть свобода творчества, мысли. А что с ней делать? Как пользоваться?

Первый студент. Год назад я хотел открыть театр-студию на улице Чаплыгина, дом 1. Встречалась с Олегом Табаковым. Видят раскрытое лицо студента.

Первый студент. Сейчас делаю статью про Табакова, должна сделать о нем курсовую и пополнить замещательство.

Второй студент. Потому?

Первая студентка. Галина Волчек о нем писала, что много лет назад он ходил с огромным портфелем, был маленьким с тонкой шеей, большой головой, худенькими плечами. Его все тогда называли Лёликом. Взрослые имя Олегу ему просто не шло. Она рассказывала, как он бегал по начальству, собирая документы, как играл в пьесе «В поисках радости» Олега Савина. Я встречалась с теми, с кем он жил в общежитии. Все, как один, вспоминают, что они смелись, когда он что-либо рассказывал. Я и курсовую хотела так называть — «В поисках радости».

Вторая студентка. Все верно. Я смотрела его «Шумный день», «Чистое небо...». Мне кажется, он мог быть великим актером. А он разбросывается. Зрители смеются. Режиссер — это не его. Он этого не понимает. И театр его — это педагогический театр, учебный, в нем думают, что это настоящий театр. Вот бы об этом написать. Но ведь обидится.

Первая студентка. Я хотела подойти к Ефремову. Думала, он расскажет мне о разрыве с Олегом Табаковым. Говорят, они были в ссоре. А теперь — снова друзья.

Олег Табаков. Я выступал у вас на факультете. Потом вы были у меня в Школе-студии МХАТа — мы три часа общались (занимательно рассматривали лица студентов). И потом я видел — некоторые из вас, если не ошибаюсь, бросились в это дело, отчего голову. Это мой сын. Может быть, последний в жизни.

Рискую ли я, все время называть что-то иное? Да, рискую. Пожалуй, не было у нас более благородного дела, чем этот риск.

На сцену выходит группа студентов факультета журналистики МГУ. Уже знакомые всем буднично-восторженные студенты в очках, имена которых неизвестны.

— Олег Павлович, мы привыкли вам за прглашение, за ваше внимание, за ваше участие, однажды — не согласились бы увидеть нас сейчас времи.

Табаков. Я выступала у вас на факультете. Потом вы были у меня в Школе-студии МХАТа — мы три часа общались (занимательно рассматривали лица студентов). И потом я видел — некоторые из вас заложили. Это всегда откладывается. Поэтому хомук на воязах, на рынок, в банк. Там человек, как говорится, самий что на на есть голый. А голый человек, кем бы он ни был, всегда расскажет о себе.

Что моя работа? Это жизнь моя и моя виноватая память. Для писателя, журналиста — записные книжки, для художника — наброски, для композитора — этюды, для меня — это жизнь. Это и есть моя профессия. Поиски радости. Вечные поиски радости в смысле жизни.

Когда я вспоминаю о нем, я вспоминаю его лицо. Я с интересом разглядывал вас. Что такое профессия режиссера, актера да и журналиста тоже? Это, по сути дела, изучение жизни. Вот вы думаете, я вам рассказал о бессмыслице проводил вами время. Нет. Я кого-то из вас запомнил. Это всегда откладывается. Поэтому хомук на воязах, на рынке, в банке. Там человек, как говорится, самий что на на есть голый. А голый человек, кем бы он ни был, всегда расскажет о себе.

Запись. Олег Павлович, мы привыкли вас спрашивать, когда последний вопрос: вы огорчились на наших наивных вопросах?

Ответ. Нет. Я с интересом разглядывал вас. Что такое профессия режиссера, актера да и журналиста тоже? Это, по сути дела, изучение жизни. Вот вы думаете, я вам рассказал о бессмыслице проводил вами время. Нет. Я кого-то из вас запомнил. Это всегда откладывается. Поэтому хомук на воязах, на рынке, в банке. Там человек, как говорится, самий что на на есть голый. А голый человек, кем бы он ни был, всегда расскажет о себе.

Запись. Олег Павлович, мы привыкли вас спрашивать, когда последний вопрос: вы огорчились на наших наивных вопросах?

Ответ. Популярность помогает в быту и во взаимоотношениях с начальством в министерствах и ведомствах.

Буднично-восторженный студент в очках. Олег Павлович, вы посмотрите на часы — голова болит.

Запись. Олег Павлович, мы привыкли вас спрашивать, когда последний вопрос: вы огорчились на наших наивных вопросах?

